

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ВОЛГО-ДОН» И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Настоящая статья посвящена проблеме воздействия социально-экономических преобразований середины XX века в СССР на традиционную культуру. В связи с этим, интерпретируются данные полевых исследований, проведённых в ареале строительства Волго-Донского водного пути. Целью работы является установление характера изменений, произошедших в традиционной культуре на протяжении сравнительно небольшого исторического периода (более полувека). Материалом исследования послужили архивные источники Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО), полевые записи из фонда Лаборатории народной музыки Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, выполненные в 1970–2000-х годах в населённых пунктах, расположенных по берегам Цимлянского водохранилища и по течению Дона вниз до устья.

Традиции музыкального фольклора на обозначенной территории привлекли наше внимание сложностью, мозаичностью картины распространения жанровых разновидностей музыкального фольклора, соответствующего репертуара, типов календарных и свадебных песен; значительным отличием состава напевов и поэтических текстов в соседних населённых пунктах, сосуществованием жанровых форм, тяготеющих к разным ареалам; наличием разного рода трансформаций музыкально-поэтических композиций. Поиск объяснения причин столь яркой стилистической неоднородности традиции побудил к анализу данных об исполнителях и населённых пунктах, о переселениях 1949–1952 годов, что вылилось в специальное и далеко ещё не завершённое исследование, фрагмент которого представлен в данной статье.

Переселения – характерная черта существования окраинных территорий. Пример бывшей Области войска Донского в этом смысле чрезвычайно показателен. Во-первых, потому что, при наличии некоторой части коренного населения в момент формирования казачества, основную массу жителей Дона составили переселенцы преимущественно из разных регио-

нов России (хотя были группы переселенцев из Литвы и Польши). Во-вторых, вследствие динамичного развития Войска – как расширения его территории в южном задонском направлении, так и её отсечения со стороны Воронежской губернии, Слободской Украины. В-третьих, по причине многочисленных внутренних переселений и массовых выселений в XIX веке, исхода казачества, воевавшего на стороне Белой армии в 1918–1920 годах, индивидуальных, групповых перемещений в период 1920–1924 годов.

Наше внимание обращено к недавнему прошлому – середине XX века. Реализация народно-хозяйственных проектов привела в этот период к значительным изменениям в расселении различных социальных, конфессиональных, этнических групп на Среднем и Нижнем Дону (от места наиболее близкого схождения Волги и Дона до низовых станиц и Ростова). Такими проектами были в 1948–1952 годах строительство Цимлянской ГЭС, затем – Николаевского гидроузла и оросительного канала, необходимого для создания зоны орошаемого земледелия. Решение о постройке *Волго-Донского пути* было принято Советом Министров СССР в 1948 году¹, хотя проект обсуждался уже в 1920-е² и финансировался в конце 1930-х годов (см.: [1]). В ходе его реализации предполагалось сооружение судоходного канала, Цимлянского гидроузла, Донского магистрального оросительного канала, новой железнодорожной линии. Помимо собственно хозяйственных объектов, в старых и новых населённых пунктах возводились дома, школы, амбулатории, кинотеатры, районные дома культуры, осуществлялась радиофикация, строились шахты колодцев, обустроивались пруды.

К реализации плана были привлечены огромные людские и технические ресурсы. Основную часть строителей Волгодонстроя составляли военнопленные (которые были к концу 1949 года большей частью репатриированы), заключённые ГУЛАГа и вольнонаёмные, направлявшиеся по разнарядке Ростовского и Сталинградского бюро ВКП(б)³, а в 1951–1952 годах набравшиеся по всей территории СССР. Переселения были связаны с затоплением ложа

Цимлянского водохранилища и перемещением людей в хозяйства, которые должны были заняться орошаемым земледелием. Наиболее массовыми являлись организованные внутренние переселения, затем (в порядке убывания) следовали внешние, далее – закрепление в населённых пунктах части строителей Волгодонстроя. Вероятно, к этому или более раннему периоду (1920–1930-х годов) относится появление в народе понятия «наплыв», которым характеризуются некоренные жители⁴.

Плановые вселения из зоны затопления производились в станицы Баклановскую, Жуковскую, Цимлянскую, Маркинскую⁵ и хутора Алдабульский, Комаров⁶. Полевыми исследованиями зафиксированы казаки-переселенцы в станицах Калининской (из хут. Зацимловского), Красноярской (из ст-цы Вёшенской), Кривянской (из хут. Зацимловского), Багаевской (из ст-цы Николаевской), Нагавской (из хут. Старо-Нагавского и ст-цы Нижне-Курмоярской), в хуторах Рябичеве, Алдабульском (из ст-цы Нижне-Курмоярской и хут. Кривского), Харсееве (из хут. Колодезного) и т. д. Многочисленны они и в городах Батайске, Волгодонске, Ростове, Семикаракорске. В станицах Каргинской, Константиновской, Манычской, Николаевской, Романовской обосновались значительные группы украинцев, в хуторе Морском – белорусы.

Чтобы представить себе масштабы демографических изменений, обратимся к статистике. В соответствии с планом, надлежало переселять по 1000 семей в год. Но, к примеру, в 1951 году реально переселилось около половины – 495 семей⁷. Вследствие этого, в 1952 году к переселению планировалось уже 3000 семей. Внутриобластное переселение на орошаемые земли в указанном году осуществлялось из крестьянских районов (бывших волостей) с преобладающим малороссийским компонентом – Волошинского, Егорлыкского, Тарасовского, Чертковского, Александровского, Азовского, Анастасиевского, Криворожского, Неклиновского. Районы вселения были в основном казачьи – Багаевский, Весёловский, Романовский, Мартыновский, Семикаракорский⁸ (см. Таблицу 1)⁹.

Кроме того, осуществлялись и внешние переселения. Так, из Ровенской области Украинской ССР на Дон прибыло 1000 семей колхозников. Их предполагалось разместить: в Романовском районе (ныне Волгодонском, с преобладающим казачьим населением) – 650 семей, в Мартыновском – 350.

Заметим, что перемещения производились с сохранением целостных колхозных коллективов (как неких актуальных социальных кон-

структов), бывших до укрупнения мелкими колхозами¹⁰; напротив, соседство или конфессиональная общность не учитывались.

В начале 1950-х годов при создании инфраструктуры указанной стройки и заполнении Цимлянского водохранилища было уничтожено и перемещено около 150 населённых пунктов, в том числе станицы Есауловская, Кобылянская, Нагавская, Нижне-Курмоярская, Филипповская, Цимлянская, Кумшацкая и Нижне-Чирская. Значительную их часть перенесли на новые места либо вновь основали, селив жителей из разных мест.

Воздействие на традиционную культуру было системным. Менялся привычный бытовой и хозяйственный уклад – люди теряли традиционные жилища, усадьбы, виноградники. Большая часть переселялась в новые стандартные дома, лишь немногие перенесли старые курени в места переезда. (Соответствующие сведения на территории бывших Второго и Первого Донских округов были собраны в экспедициях архитектором и строителем А. Г. Лазаревым¹¹.) Это способствовало разрушению традиционного быта, крайне затрудняло передачу многих хозяйственных навыков.

В течение длительного времени население в пойме Дона занималось виноградарством и виноделием. Как известно, цимлянские игристые вина высоко ценились, о чём говорит их поставка к царскому двору. Перенос виноградников с затапливаемых территорий предусматривался только для колхозных хозяйств. Сохранялись особо ценные винные сорта (шампанских вин) – цимлянский чёрный, плечистик, мускат, ладанный, пухляковский, шампанчик¹². Однако если судить по приводимым цифрам, становится очевидным, что некогда процветавшему производству угрожал упадок. В некоторых колхозах пересадили от 1 до 4,6% от запланированного¹³.

Наряду с виноградарством и виноделием, предполагалось привлечь население к промышленному рыболовству, для чего при подготовке ложа водохранилища расчищались специальные участки. По сообщениям информантов, главным мотивом агитационной работы в пользу переселения было ожидаемое рыбное изобилие¹⁴.

В связи с очисткой ложа Цимлянского водохранилища, а также из-за нехватки леса, используемого для возведения хозяйственных построек, он массово вырубался. Вследствие этого наметилась тенденция к опустыниванию, в прилегающих к Чиру степях было зафиксировано движение дюн, которое пришлось останавливать в 1970-х годах лесопосадкой. Повышение уровня подпочвенных вод привело к формиро-

ванию солончаков, из-за чего в районе Цимлы погибли сады, вновь насаженные в 1950-х годах.

В затопляемой зоне проживали по преимуществу старообрядцы (см.: [3]). Старообрядческие храмы (в основном единоверческие) и моленные, ушедшие под воду, не могли быть восстановлены, поскольку повсеместно шла борьба с «религиозным мракобесием». По сообщению М. С. Севастьянова, спасавшего вместе с отцом богослужебные книги (в том числе певческие), последние вывозились из станиц и хуторов «возами»¹⁵. Лишь небольшая их часть вернулась в храмы. Разрушением беспоповских и беглопоповских общин мотивировался позднейший переход – в конце 1980-х и в 1990-е годы – беглопоповцев, беспоповцев и единоверцев в белокриницкое согласие (ст-цы Константиновская, Николаевская и их хутора), а в некоторых случаях и в православную церковь Московского патриархата. Это, помимо прочего, сильно сказалось на сохранности системы осмогласия и распева, привело к едва ли не полной певческой крюковой неграмотности.

Существенным фактом, нанёсшим удар по сохранению исторического самосознания и идентичности, было отчуждение средневековых археологических памятников Хазарского каганата (Цимлянского городища – ставки кагана, а также крепости Саркел), которые всегда осмыслились казаками в плане исторической преемственности.

Характерные для мест выселения репертуар, многоголосные распевы, певческая манера, привносимые переселенцами в новую среду, благоприятствовали стилистическим смешениям. Картографирование некоторых типов свадебных и календарных песен, причитаний по умершим выявило, с одной стороны, их локальность, с другой – повторяемость на значительном расстоянии (см.: [4]). В ходе полевых исследований были отмечены случаи перенесения в низовые станицы (Манычскую, Багаевскую) былинных песен («молодость Добрыни»), авсеновой разновидности святочных песен (хут. Сусат), внедрение в казачий репертуар западноукраинской щедровки – «Шендровочка шендровала» (ст-ца Константиновская и хут. Гапкин).

В разные годы в низовых станицах фиксировалось наличие бытовых певческих ансамблей по типу «землячества» (ст-цы Красноярская, Калининская, Манычская, Маркинская, г. Цимлянск) и, вследствие этого, сочетание в одних и тех же населённых пунктах разных певческих стереотипов (манер) и принципов организации многоголосия.

Институтами, обеспечивавшими интеграцию культуры в подвергшихся социальной

реконструкции населённых пунктах, были трудовые коллективы, школы и сельские клубы. В самодеятельных хорах унификация разнообразных компонентов осуществлялась разными способами. С одной стороны, стремились к сглаживанию различий, находя усреднённую манеру или утверждая доминирующую (в ст-це Калининской, например, руководитель хора предпочитала культивировать академическую манеру пения)¹⁶. С другой, как в хорах и бытовой традиции хутора Потапова и станицы Задоно-Кагальницкой, не сочетающиеся по тесситуре и певческой манере женские тонкие и мужские грубые голоса¹⁷ дублировались в октаву, образуя двух- и трёхъярусные многоголосные конструкции, своего рода музыкальные «вавилонны».

В хоре станицы Николаевской, обслуживавшем регистрации браков в местном ЗАГСе, важной составляющей свадебного репертуара благодаря участию украинских переселенцев стали тирадные припевки [5]. При этом к напеву, сочетающемуся со стихом шестисложной структуры, при перестановке слов приспособляются тексты со структурой 5+3. Кроме того, отмечено бытование с одним и тем же напевом (без какой-либо исполнительской трансформации – эмоциональной, темповой, артикуляционной, тембровой) величальных, прощальных и даже причётных свадебных текстов.

Исследование, таким образом, показало: значительное изменение состава населения, произошедшее в середине XX века и вызванное реализацией народно-хозяйственных проектов, обусловило неоднородность традиционной культуры (особенно ярко проявляющуюся в певческой практике) на указанной территории. Для адаптации традиций переселенцев к новым условиям требовалось длительное время, что не позволило сохранить в неизменном виде механизм передачи традиции и предопределило его трансформацию; в одних случаях освоение наследия ограничивалось рамками семьи или «землячества» (вместо типичного для казаков «общества»), в других – происходило в хорах.

Процесс интеграции разнородных элементов песенной традиции происходил ускоренно в организованных формах самодеятельного творчества. Но в клубном хоре осваивалась лишь ограниченная часть репертуара. Между тем, в быту процесс обмена и унификации стилистики, репертуара и певческих приёмов, происходивший по своим неспешным законам, не достиг завершения. Более того, на протяжении 1990–2000-х годов певческие формы, отличавшие культуру различных групп сельской общины, подверглись забвению. Это привело

к интенсивной деформации и разрушению песенной традиции, что не наблюдалось в таких масштабах на территории других районов Дона.

Полученные результаты свидетельствуют и о другом: данные полевых исследований могут быть корректно интерпретированы преимущественно в синхронических исследованиях и ограниченной шкале проблем. По крайней мере, для исторической реконструкции певческой традиции упомянутые данные не должны использоваться вовсе – или использоваться

избирательно, при наличии соответствующих сведений о населённом пункте и информантах. Интерпретация богатейших коллекций экспедиционных записей 1970–1980-х годов во многом зависит от полноты информации (о носителях традиции и населённых пунктах), которая содержится в материалах полевых исследований, проведённых предшественниками. Заслуживает внимания и то, как важно такого рода информацию фиксировать, отражать в документах и последующих публикациях (в том числе музыкальных записей).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Совета Министров СССР № 480-183с от 27 февраля 1948 года [1].

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Протокол заседания VI пленума Северо-Кавказского комитета ВКП (б) от 17–18 апреля 1925 года.

³ Сведения о численности и составе работавших на стройке отражены в документах и исследованиях [2, с. 117–118; 6, с. 38–53].

⁴ Полевые записи (далее – ПЗ) Рудиченко Т. С. в ст-це Николаевской Константиновского р-на Ростовской обл. в 1995 г. Инф. Лесниченко (Белова) Прасковья Никитична 1928 г. р. Род. в хут. Белянском (ст-цы Николаевской) того же района.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1329. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441.

⁸ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441. Л. 10.

⁹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1442. Л. 70. Материалы к протоколу № 223 заседания бюро Ростовского обкома ВКП(б) от 24–29 января 1952 года.

¹⁰ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1441 Л. 10 об.

¹¹ Снимки традиционных жилищ составили два внушительных фотоальбома и до сих пор не опубликованы.

¹² ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1463. Л. 23 («О выполнении работ по переносу виноградников высокоценных шампанских сортов из зоны затопления в колхозах Цимлянского р-на...»).

¹³ То же относилось к чубукам: из запланированных 1000 штук было заготовлено только 307 (ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1463. Л. 24).

¹⁴ ПЗ Рудиченко Т. С. в хут. Кривском Дубовского р-на Ростовской обл. в 1979 г. Инф. Куликов Василий Спиридонович 1906 г. р., Пимонов Александр Дмитриевич 1906 г. р.

¹⁵ ПЗ Рудиченко Т. С. в г. Ростове н/Д. Инф. Севастьянов Михаил Стефанович 1929 г. р.

¹⁶ ПЗ Т. С. Рудиченко в ст-це Калининской Цимлянского р-на Ростовской обл. в 1972 г.

¹⁷ Женщины не пели здесь в манере «под мужчин».

ЛИТЕРАТУРА

1. Волго-Донской судоходный канал им. В. И. Ленина // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 301–302.
2. Захарченко А. Лагерно-производственный комплекс НКВД–МВД в послевоенной экономике 1945 – начала 1950-х годов и гидротехническое строительство в Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 113–123.
3. Редькина О. Старообрядчество на Дону во второй половине XIX – начале XX века (по материалам духовной периодической печати) // Казачество: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 257–273.
4. Рудиченко Т. Периферийные жанровые формы как дифференцирующий признак локальных

- стилей донского музыкального фольклора // Этномузыкология: История формирования научно-образовательных центров. Методы и результаты ареальных исследований: материалы международных науч. конф. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 470–486.
5. Рудиченко Т. Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г.: материалы XII Дикаревских науч. чтений. Краснодар: Мир Кубани, 2006. С. 220–230.
6. Свечникова Е. Использование труда заключённых на стройках послевоенных пятилеток: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002. 203 с.

REFERENCES

1. Volgo-Donskoy sudokhodnyj kanal im. V. I. Lenina [Volga-Don V. Lenin Shipping Canal]. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopaedia]. The 3rd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press, 1971. Vol. 5. P. 301–302.
2. Zakharchenko A. Lagerno-proizvodstvennyj kompleks NKVD–MVD v poslevoennoy ekonomike 1945 – nachala 1950-kh godov i gidrotekhnicheskoe stroitel'stvo v Povolzh'e [Camp-industrial Complex of the People's Commissariat – Ministry of Internal Affairs in the Post-war Economy of 1945 – the Beginning of the 1950s, and Hydrotechnical Building in the Volga Region]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Proceedings of Samara Scientific Centre to Russian Academy of Sciences]. 2013. Vol. 15. No. 5. P. 113–123.
3. Red'kina O. Staroobryadchestvo na Donu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam dukhovnoy periodicheskoy pechati) [The Old-believers on the Don in the Second Half of the XIXth – early XXth century (Based on Materials of the Periodical Press)]. Kazachestvo: proshloe i nastoyashee [The Cossacks: The Past and the Present]: collected research works. Volgograd: Volgograd State University, 2000. P. 257–273.
4. Rudichenko T. Periferiynye zhanrovye formy kak differentsiruyuschiy priznak lokalnykh stiley donsogo muzykal'nogo folklor [Peripheral Genre Forms as a Differentiating Feature of the Local Folk Music Styles Don]. Etnomuzykologiya: Istoriya formirovaniya nauchno-obrazovatelnykh tseftrov. Metody i rezultaty areal'nykh issledovaniy [Ethnomuzycology: The History of Scholar-educational Centres Formation. Methods and Results of Area Researches]: materials of the International research conferences. St. Petersburg: Skifiya-print Press, 2014. P. 470–486.
5. Rudichenko T. Pripevki-tirady v donskey svad'be (k izucheniyu universaliy folklor) [Pripevki-rants in the Don Wedding (Towards the Study of Folklore Universals)]. Itogi folkloro-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2005 god [The Results of Folklore-Ethnographical Researches in the North-Caucasian Ethnic Cultures for 2005]: materials of the 12th research conference «Dikarevskie chteniya». Krasnodar: Mir Kubani Press, 2006. P. 220–230.
6. Svechnikova E. Ispol'zovanie truda zaklyuchyonnykh na stroykakh poslevoennykh pyatiletok [Using of Prisoners Labour in the Construction Projects of the Post-war Five-year Plans]: Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Studies. Rostov-on-Don, 2002. 203 p.

Таблица 1
План внутриобластного переселения на орошаемые земли на 1952 г.

№	Наименование р-нов выезда	Районы вселения				Всего
		Багаевский	Веселовский	Семикаракорский	Мартыновский	
1	Егорлыкский	50				50
2	Куйбышевский	50				50
3	Неклиновский	50				50
4	Кагальницкий	50				50
5	Анастасиевский	50				50
6	Мясниковский	50				50
7	Мальчевский	50				50
8	Чертковский		100			100
9	Целинский		50			50
10	Тарасовский		100			100
11	Александровский			100		100
12	М.-Курганский			50		50
13	Криворожский			50	–	50
14	Киевский			100		100
15	Кашарский				100	100
Итого		350	250	300	100	1000

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ВОЛГО-ДОН»
И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена проблеме трансформации традиционной культуры под воздействием государственных социально-экономических преобразований. Исследователем охарактеризована направленность изменений, которым подверглись культурная среда и музыкальный фольклор в результате осуществления масштабного проекта – строительства Волго-Донского водного пути и создания зоны орошаемого земледелия на степных землях. Автором выявляются факторы, способствовавшие трансформации традиционной культуры, освещаются подвергшиеся изменениям песенные жанры и жанровые циклы (с учётом различных стилистических аспектов). В статье рассматриваются демографические сдвиги, связанные с переселениями, деформации традиционного механизма передачи хозяйственных навыков, преобразования природного и культурного ландшафта, утрата религиозно-культовых сооружений и

распад общин в старообрядческих районах, отчуждение средневековых археологических памятников. Автор приходит к выводам о прерывании традиции, её деформации и фрагментации, стилистических смешениях в песенном фольклоре – изменениях, не наблюдаемых в таком масштабе на территории других районов Дона. По мнению исследователя, методологическое значение подобных изысканий сопряжено с требованием достоверной источниковедческой атрибуции как предварительного условия интерпретации полевых материалов, возможного их использования преимущественно в синхронических исследованиях и ограниченного привлечения для исторических реконструкций.

Ключевые слова: проект «Волго-Дон», традиционная культура, трансформация, стилистические смешения, интерпретация полевых материалов, синхронические исследования.

THE REALIZATION OF THE «VOLGA-DON» PROJECT
AND TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL CULTURE

The article is devoted to the problem of transformation as applied to the traditional culture under the influence of the State social-economic reorganization. The researcher defines the direction of changes that cultural environment and musical folklore have undergone following the realization of the large-scale project such as Volga-Don waterway and making of the irrigated agriculture zone on the steppe lands. The factors that contributed to the transformation of the tradition culture are revealed by the author, and song genres, genre cycles, and various aspects of their style exposed to changes are elucidated. The demographic changes arising from resettlements, deformations regarding traditional mechanism of farming skills transmission, remaking of the natural and cultural landscape, the loss of religious-worship places and

the collapse of communities in the Old-believers areas, the alienation of the medieval archaeological sites are examined in the article. The author comes to conclusions about the interruption of the tradition, its deformation and fragmentation, stylistic confusions of the song folklore (changes which aren't observed on this scale in other areas of the Don). In the opinion of the researcher a methodological significance of this study is attended with a request of the trustworthy attribution of sources as a precondition for the interpretation of field data, the possible using of them, primarily in synchronic studies and the limited attraction for the historical reconstructions.

Key words: «Volga-Don» project, traditional culture, transformation, musical style mixing, interpretation of field data, synchronic studies.

Рудиченко Татьяна Семёновна

доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки
Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова
Россия, 344002, Ростов-на-Дону
e-mail: rostovfolkclub@mail.ru

Rudichenko Tatyana S.

Doctor in Art Studies, Professor at the Department of Music History
Rostov State S. Rachmaninov Conservatoire
Russia, 344002, Rostov-on-Don
e-mail: rostovfolkclub@mail.ru